

© Е. А. Ягафова

ИСЛАМИЗАЦИЯ ЧУВАШЕЙ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.

Чуваши – один из немногих немусульманских тюркоязычных народов. Подавляющее большинство чувашей, начиная с середины XVIII в., официально исповедует православие. Но, как и другие народы Урало-Поволжья, чувашаи неоднократно и достаточно тесно соприкасались с исламом, а некоторая часть народа подвергалась на протяжении столетий исламизации и этнической ассимиляции. В данной статье рассмотрен процесс исламизации чувашей в XVIII – начале XX в. с кратким экскурсом в историю ислама в регионе в X–XVII вв. Целью работы являлось изучение процесса формирования этноконфессиональной группы чувашей-мусульман, выявление ее ареала, а также динамики численности в разные исторические этапы. Работа написана на основе изучения архивных (РГАДА, РГИА, ГАРБ, НАРТ) и опубликованных материалов, а также немногочисленных исследований по данной теме российских и зарубежных авторов (*Кудряшов 1974; Никольский 1912; Димитриев 1978; Иванов 1998; Иванов 1999; Werth 2000; Geraci 2001; Noack 2000; Frank 2001; Jersild 2000; Glazik 1959* и др.).

Ислам в этнической истории чувашей в X–XVII вв.

Вопрос о времени проникновения ислама в Среднее Поволжье остается пока спорным. Официально считается, что ислам был воспринят волжскими булгарами в 922 г. в результате визита багдадского посольства Муктадира, но уже в XIX в. учеными неоднократно указывалось на более раннее время появления ислама в регионе: в VIII в. (*Fraehn 1830; Ашмарин 1902: 37–38*) или в IX в. (*Бартольд 1966: 242; Халикова 1986: 138*).

Не менее спорным является вопрос о масштабах распространения ислама в регионе. Будучи связанным напрямую с проблемой этногенеза чувашей и татар, он вызвал длительную дискуссию между татарскими и чувашскими учеными. Первые склоняются к точке зрения о повсеместном и глубоко распространении ислама в Волжской Булгарии в X–XIII вв. и выдвигают мусульманскую религию в качестве одного из главных аргументов в пользу идеи о булгаро-татарской преемственности (*Халикова 1986: 150–151*). Чувашские и некоторые казанские ученые (*Димитриев 1984: 45; Каховский 1979: 101–108; Казаков 1994: 27*), опираясь на мнение известных историков XVIII–XX вв. В.Н. Татищева, Б.Д. Грекова, А.П. Смирнова и др. (*Смирнов 1951: 56*), полагают, что ислам первоначально был воспринят лишь верхушкой булгарского общества, а реальное распространение религии среди населения было невелико, ограничиваясь центральными районами Волжской Булгарии, где языческая похоронная обрядность сохранялась до третьей четверти X в.¹ (и даже до XIV–XV вв. (*Каховский 1979: 101–108*)).

Не входя в дискуссию по этому вопросу, можно предположить, что на периферии государства влияние ислама было менее значительным. Вероятно, следует согласиться с мнением Н.И. Ашмарина, что "при значительном раздроблении народа по областям и уделам религия болгар... не могла быть общей, и в то время как большая часть их исповедывала ислам и имела в своих селениях мечети и школы, с мюэззинами и имамами, другие из них пребывали в прежнем язычестве, сохраняя обычаи своих предков" (*Ашмарин 1902: 29–30*). Скорее всего, в домонгольский период в Волжской

Екатерина Андреевна Ягафова – доктор исторических наук, профессор Самарского государственного педагогического университета; e-mail: yaqafova@yandex.ru

* Работа выполнена при поддержке Российского государственного научного фонда (№ 04-01-00479а).

Булгарии бытовали синкретические формы религиозности и, по словам Е.А. Халиковой, «под оболочкой мусульманской религии продолжали существовать, иногда в более или менее изменившемся толковании, многочисленные пережитки древних культов – поклонение "святым" местам, ключам, праздники жертвоприношений, совершавшихся в определенных местах» (Халикова 1986: 149).

922 г. можно рассматривать как условный рубеж начала исламизации булгар (Мажитов 1997: 14), входящий в первый, хазаро-булгарский (А.Н. Халидов), этап исламизации региона, связанный с историей соответствующих государств Восточной Европы и охватывающий период от появления первых мусульманских общин до монголо-татарского нашествия (1240) (Халидов 1998: 21).

Принятие ислама имело для булгар важное социально-политическое и культурное значение, так как приобщило к мусульманской культуре, являвшейся в то время передовой культурой Востока (Смирнов 1951: 40). Дальнейшему распространению его среди булгар способствовали оживленные экономические связи Среднего Поволжья и Прикамья с мусульманским Востоком. Среднеазиатские купцы вели не только торговую, но и миссионерскую деятельность, благодаря чему в регион проник ислам ханифитского толка (Халикова 1986: 142).

О значительном распространении данной религии в регионе следует говорить, вероятно, с XIII в., т.е. в период после монголо-татарского нашествия (Иванов 1998: 40). С него отсчитывают второй, ордынский, этап в истории ислама в России (Халидов 1998: 21). Большинство историков связывают массовую исламизацию народов края с деятельностью ханов Берке (1256–1265) и Узбека (1312–1340), а ее завершение относят уже к XV в. (Димитриев 1984: 45; Юнусова 1992: 23; Халидов 1998: 22). Этот процесс стал, по мнению чувашского исследователя Н.И. Егорова, причиной расслоения населения Булгарского улуса в конце XIII в. на две группы: мусульманскую, сложившуюся из золотоордынских пришельцев и болгарской аристократии, и местное болгарское население, придерживавшееся традиционных воззрений (Егоров 1984: 100). Именно со второй группой историки связывают происхождение чувашского народа.

В середине XV–XVI вв. ислам выступил идеологической основой объединения ханств бывшей Золотой Орды и одновременно средством противодействия Московскому государству. Под влиянием ислама происходила активная ассимиляция и инкорпорация финно-угорских и других народов Поволжья, Урала и Сибири в тюркскую этнокультурную среду (Якупов 1998: 94–95). В первую очередь это коснулось феодальной знати, вынужденной приспособляться к интересам господствующей верхушки Казанского ханства (Денисов 1959: 81). Верования же большинства населения оставались на уровне языческо-мусульманского или мусульманско-языческого синкретизма.

К XV–XVI вв. относится массовое распространение в регионе татаро-мусульманской антропонимии (Егоров 1986: 96–97). Ислам оказал влияние на эволюцию религиозных представлений, культа, нравственности и социальной организации чувашей, не изменив при этом сущностных основ традиционной религии (Кудряшов 1974: 64–65). Большинство элементов мусульманской религии и системы неизменно воспринималось в рамках уже существующих в чувашской религии противопоставлений (Хузангай 1986: 56–70). Но часть чувашей, вероятно, все же прошла через этап исламизации. Арабоязычные эпитафии с кораническими формулировками были оставлены, по мнению исследователей, мусульманизированными чувашами (Алишев 1995: 210; Федотов 1980: 21). Мусульманские святыни, в частности, места погребения ревностных сторонников ислама и политических деятелей (например, Валем-хузя) почитались чувашами даже после переселения их из Закамья в Чувашию (Димитриев 1993: 64; Ашмарин 1930: 162, 165; 1935: 185). К исламу же восходит религиозная терминология чувашей (Пихампар, Кене, Харпан, Эсрел, киреметь, харам, пир ёшти и др.), празднование пятницы эрнекун и культ святых ырсем (Ашмарин 1902: 129–132).

Третий, российский, этап в истории ислама в России начинается с середины XVI в., т.е. с присоединения Волго-Уральского региона к Русскому государству (Халидов 1998: 21). Изменение политической ситуации после падения Казанского ханства (XVI в.) и прекращение контактов с мусульманским миром привели, по мнению венгерского ученого Д. Месароша, к тому, что "в душе народа неукоренившийся ислам слился с еще не совсем забытым язычеством" (Месарош 2000: 20). Другой причиной ослабления мусульманского влияния в этот период стало начавшееся вскоре после покорения Казанского ханства противодействие исламизации "инородцев" со стороны Русского государства. Борьба за овладение умами нерусских народов являлась частью политического противостояния между Москвой и Казанью (Макаров 2000: 57). Тем не менее, исламизация народов Урало-Поволжья в XVI–XVII вв. и в последующем продолжалась. С ней некоторые историки связывают демографические спады в численности чувашей и сокращение географии этноса в XVI–XVII вв. (Димитриев 1969: 242–246; Иванов 1999: 16). Другие исследователи отвергают факт массовой исламизации чувашей в этот период (Алишев 1990: 210; Исхаков 1995: 257–297). Эта тема требует дальнейшего изучения архивного материала².

Исламизация чувашей в XVIII в.

XVIII век стал в России переломным в отношениях между государством и исламским сообществом. До третьей четверти столетия ислам находился фактически в положении незаконной религии. В правление Екатерины II издается указ о веротерпимости (1773) и учреждается Духовное управление мусульман Европейской России и Сибири (ДУМЕРС; 1788). С этого времени ислам становится значимым вектором внутренней политики Российского государства, а исламский фактор – одним из важнейших в истории народов России.

Исламизация чувашей с их последующим отатариванием в XVIII в. носила единичный и эпизодический характер и охватывала районы совместного чувашско-татарского и/или чувашско-башкирского проживания, преимущественно в Присвияжье и западной Башкирии. В 1740–1750-х годах были зафиксированы случаи перехода в ислам в Симбирской (8 семей) и Свияжской (293 чел.) провинциях Казанской губ.³ (Можаровский 1880: 89). Об отатаривании в 10 чувашских селениях Свияжского и Тетюшского уездов пишет историк В.Д. Димитриев⁴.

Исламизации подверглись чувашаи в составе сословной группы тептярей в Башкирии (Якупов 2002: 90)⁵. По данным В.М. Кабузана, в 40-х годах XVIII в. чувашаи составляли 2,4% от общей численности этой группы (Кабузан 1990: 108). К концу века доля чувашей выросла до 18%, что было обусловлено активной миграцией в этот период в Западное Приуралье (Рахматуллин 1975: 15). Общая социальная судьба, полиэтничное татаро-башкирско-марийско-мордовское окружение способствовали консолидации группы в этнокультурном и языковом отношении (Якупов 2002: 119). Важнейшую роль в сплочении тептярей сыграл ислам, все более широко распространявшийся среди припущенников, в том числе и чувашей. Например, в одном из донесений в Сенат в 1735 г. указывалось на поимку чуваша, "кой, обрив голову, ходил татаринном", т.е. мусульманином (Там же: 119).

Влияние ислама на чувашей усилилось в последней четверти века после принятия вышеуказанных мер. Но эти нововведения касались лишь некрещеных чувашей, в то время как новокрещенам не разрешалось возвращение в "язычество" или переход в ислам (Димитриев 1978: 113). События конца XVIII в. подготовили благодатную почву для исламизаторских процессов XIX в., но какие же внутренние причины побудили тысячи чувашей склониться к мусульманству?

Причины и предпосылки исламизации чувашей

Распространению ислама среди чувашей в Урало-Поволжье содействовал ряд факторов: территориальный (близость мусульманских, в первую очередь татарских, дере-

вень); экономический – торгово-ремесленная специализация татар, позволявшая им часто бывать в чувашских деревнях и пропагандировать ислам; с другой стороны, чувашки нередко нанимались к татарам на заработки и воспринимали ислам (Никольский 1912: 190); социокультурный – знание чувашами татарского языка в зонах смешанного чувашско-татарского проживания⁶.

Не последнюю роль играло и заигрывание мусульман с местным населением с позиции "обиженной" и преследуемой религии; тем самым подчеркивалась общность судьбы ислама и "язычества" (Кудряшов 1974: 68).

Важнейшей причиной исламизации чувашей был мировоззренческий и социальный кризис, который испытывали "язычники" под влиянием распространявшихся мировых религиозно-философских систем и усложнявшейся общественно-политической жизни в стране. Прежние нравственные устои и ритуальная практика уже не удовлетворяли приверженцев традиционной религии и вынуждали их искать иные ориентиры. "Кризис язычества" особенно стал осязателен в конце XIX в. К примеру, некрещеные чувашки д. Кульпарыпово Бугульминского у., подавшие в 1906 г. прошение о причислении в ислам, дали оценку "язычеству" как "не соответствующей нашему религиозному настроению" системе (ГАРБ 2в: Д. 495). В другом прошении оно было названо религией, "не имеющей никакого значения веры" (ГАРБ 1: Д. 1211. Л. 3).

Татарские пропагандисты ислама умело использовали ситуацию неуверенности и сомнения чувашей в истинах традиционной веры, предлагая взамен как реальные выгоды от материальной поддержки, так и мистический рай за пределами бытия⁷.

Одной из важнейших причин успехов ислама была его гибкость и способность приспособиваться к местным условиям, податливость и терпимость, благодаря чему мусульманская религия выглядела более привлекательной для "язычников" вопреки мощному противодействию церкви и государства. С самого начала распространения в регионе ислам был ориентирован на синкретизм мировоззрения, верования и культа, т.е. "вбирал в себя местные обычаи и верования, сливаясь с ними, усваивал многие идеи вытесняемых им религий" (Юнусова 1992: 34).

Ислам и мусульманская пропаганда в определенной степени стимулировали сохранение "язычества" среди чувашей в противостоянии с христианством, но сами "язычники" являлись потенциальными приверженцами ислама (Werth 2002: 197). Одновременно происходило укрепление мусульманских элементов в языческо-мусульманской структуре религии и последующая исламизация чувашей.

Переход в мусульманство означал не только изменение конфессиональной принадлежности, но и некоторых этнических характеристик: языка, одежды, обрядов и, в конечном итоге, самосознания. Вот как описывает процесс "отатаривания" священник С. Багин: во-первых, склонные к переходу "в татары" заимствуют татарский костюм, состригают волосы, а женщины повязывают платок по-татарски; во-вторых, завязывают дружбу с татарами, оказывающими им материальную помощь; в-третьих, окончательно воспринимают ислам и начинают агитировать своих односельчан к переходу в мусульманство; вслед за этим происходит "отатаривание" большинства населения, а в деревне открывается мечеть и школа (Багин 1910: 391). Окончательное "слияние" чувашей с татарами происходило, по мнению Н.В. Никольского, благодаря бракам (Никольский 1912: 190), которые активно практиковались в смешанных чувашско-татарских селениях и районах.

Вопрос об этнической принадлежности, таким образом, оказывался в прямой и жесткой зависимости от вероисповедания. Понятия "татарин" и "магометанин" мыслились в одной категории и приравнивались друг к другу, в то время как христианская доктрина допускала существование и отличной от русских этничности.

Справедливости ради следует отметить, что к отатариванию вела не только исламизация, но и длительное соседство с татарами, как это произошло, к примеру, с группой молькеевских крышен в Цивильском и Тетюшском уездах Казанской губ.⁸ По дан-

ным Д.М. Исхакова, к началу XX в. здесь было ассимилировано около 4–5 тыс. чувашей, но не исключено, что отатаривание, т.е. восприятие прежде всего татарского языка и самосознания стало следствием частичной исламизации чувашей, предшествовавшей их христианизации. Отголоски мусульманских верований сохранялись у молькеевцев в виде празднования пятницы, соблюдения поста, приглашения мулл, ношении татарского костюма и т.д. (Филиппов 1915: 1039). Но в целом традиционная культура основывалась на элементах и комплексах, аналогичных таковым у соседних чувашей (Исхаков 1993б).

В лице молькеевцев, как и некоторых других групп крещеных татар (например, чистопольской (Исхаков 1993а: 112–129, 132–140) или бакалинской (Иванов 2002: 223–228), формировавшихся при участии чувашей, можно наблюдать процесс неполной этноконфессиональной ассимиляции, когда ислам, не успев вытеснить традиционные верования и закрепиться в религиозной жизни населения, не препятствовал последующей христианизации их, но под его воздействием происходила определенная культурно-языковая трансформация группы, или "отатаривание". Процесс окончательной мусульманизации молькеевцев был прерван активным вмешательством церкви и государства⁹, предотвратившим дальнейшее распространение ислама на соседние чувашские селения. В условиях взаимного двуязычия (татарско-чувашского и чувашско-татарского) в этом районе не исключался и такой вариант этноконфессионального развития.

Процесс исламизации чувашей в XIX – начале XX в. может быть разделен на этапы в соответствии с особенностями данного процесса на каждом из них.

"Отступническое"¹⁰ движение среди чувашей в 20–60-х годах XIX в.

Переход чувашей в ислам в 20–60-х годах во многом был инспирирован как нарастающим влиянием на чувашей татарской культуры, так и непосредственным примером крещеных татар, массово "уклонявшихся" в ислам в этот и предшествующий период. "Отступничество" охватывало районы совместного проживания татар и чувашей: Буинский и Симбирский уезды Симбирской губ., Петровский у. Саратовской губ., Свяжский, Тетюшский, Чистопольский и Спасский уезды Казанской губ., Бугульминский, Бугурусланский у. Самарской губ., Белебеевский, Мензелинский и Стерлитамакский уезды Уфимской губ. (Werth 2002: 148–153; Браславский 1997: 41). В одной только Казанской епархии в 1866 г. насчитывалось около 9000 "отступников" из "инородцев" (Отчет БСГ 1883: 696, 766).

Важнейшим средством воздействия ислама являлась пропагандистская и просветительская деятельность мулл в чувашских деревнях, которая приводила к не только к соращению части населения, но и появлению лидеров и проповедников из числа новообращенных. Это известно на примере деревень Чепкас-Ильметево Буинского у., Старое Афонькино Бугульминского у., Полевое Байбахтино Цивильского у. (НА ЧГИГН: Д. 645. Л.56). Типичен пример перехода в ислам чувашей д. Чепкас-Ильметево. Под влиянием и наставлению односельчан-татар грамотный чуваш Иван Васильев выучил арабский, освоил Коран и основы исламской религии и начал проповедовать ее среди чувашей, в результате чего 8 семей (15 чел.) восприняли в 1865 г. ислам. Васильев проповедовал также в соседних Симбирском и Тетюшском уездах, пока его не сослали в Сибирь (Чичерина 1907: 36–37).

Случаи открытого перехода в ислам отмечены в этот период также в деревнях Верхнее Никиткино Чистопольского у. (1846–1850) (Комиссаров 1913: 569), Богдашкино и Тимерсяны Симбирского у. (1847) (РГИА 1), Средние Алгаши того же уезда (1865–1866) (Журнал 1902: 476), Кукшум, Белая Воложка, Утево Тетюшского у. (1860-е годы) (Денисов 1959: 297), Сунчелеево Цивильского у. (1860-е годы) (Отчет БСГ 1883: 696, 766). В 1862–1866 гг. чуваше-мусульмане Кузнецкого (д. Сосновый

Враг), Хвалынского (д. Каменный Ключ) и Петровского (деревни Абдуловка, Шняево) уездов Саратовской губ. общей численностью около 30 человек (6 семей) переселились на Кавказ, а оттуда – в Турцию (Димитриев 1993: 232).

Отатаривание стало, по мнению В.Д. Димитриева, одной из причин снижения темпов роста численности народов Поволжья (марийцев, чувашей, удмуртов, мордвы) по сравнению с татарами. Если у первых прирост с 1795 по 1859 г. составил 40–60%, то у татар – 115,8% (Он же 1969: 244–245).

Русская Православная церковь принимала меры, направленные на предотвращение исламизации чувашей и татар в Урало-Поволжье: в 1828 г. были учреждены особые миссионеры для этих регионов, а в ноябре 1849 г. был издан высочайший указ о переселении "отпавших" в старорусские селения, где местным священникам вменялось в обязанность безвозмездно совершать для них требы и объяснять основы веры (РГИА 3: Оп. 19 Д. 42701. Л. 1–об.). Подобный опыт уже применялся в ходе массовой христианизаторской акции в середине XVIII в. и практиковался в отдельных районах и в первой половине XIX в. Среди мер по предупреждению отпадения в магометанство были обозначены такие приоритеты, как назначение священников со знанием местных языков, перевод религиозной литературы, миссионерство (Можаровский 1880: 247). По-прежнему запрещалось строить мечети и допускать к службе немусульман. Радикальные меры в отношении отступников выражались в аресте и ссылке "совратителей" в Сибирь.

Исламизация чувашей в 70–90-х годах XIX в.

В 70-х годах XIX в. в Казани была разработана программа противоборства исламизации чувашей и созданы съезды миссионеров антиисламской миссии. Несмотря на это, в 80-х годах в Урало-Поволжье прокатилась новая волна "отступничества", в которой приняли участие и чувашаи (Werth 2002: 198).

В Казанской епархии отпадения повлияли на настроения неустойчивых в религиозной ориентации чувашей некоторых селений Свяжского (села Большие и Малые Меми, Киксары), Цивильского (деревни Старое Муратово, Тенеево, Полевое Байбахтино, Большое Тябердино, Суринское), Чебоксарского (деревни Семенчино, Янгильдино), Тетюшского (деревни Кушелге (Андреевка), Б. Ерыкла (Можарки) и Байбатырево) и Чистопольского (села Шама, Богоявленская Горка, деревни Татарское и Новое Сунчелеево) уездов (РГИА 4: Оп. 8. Д. 777, 778; ГАРБ 2а: Д. 8343; ГАРБ 2в: Д. 253. Л. 11; Дяконов 1891: 764–765; Отчет КЕИМ 1912: 944). Официальные христиане, но сохранявшие в быту приверженность "язычеству" и постоянно общавшиеся с соседями мусульманами – так охарактеризованы в отчетах по епархии в 80–90-х годах XIX в. чувашаи этих селений (Отчет БСГ 1883: 755–767, 1887: 76, 1890: 169–170). Описывая их язык и культуру в начале XX в., священник А. Пчелов отмечал, что местные чувашаи "не то чувашаи, не то татары", так как говорили на "исковерканном" на чувашский лад татарском языке, носили татарские одежды, а киксарцы приглашали на похороны, поминки и празднование семика мулла (НА ЧГИГН: 542).

Похоже обстояли дела и в Симбирской губ. В 1870–1880-х годах в ислам переходили в единичном порядке жители деревень Старое Шаймурзино, Средние Алгаши и Трех-Изб-Шемурша Симбирского у. (ГАРБ 2в: Д. 495, 3259; Отчет СмБЕК 1877: 163). Старое Шаймурзино было одним из крупнейших селений чувашей-мусульман. По данным X ревизии (1859) здесь уже проживали 83 чуваша-мусульманина в соседстве с татарами-мусульманами (1576 чел.), православными чувашами (275 чел.), "язычниками" (49 чел.) и старокрещенными, но "отпавшими" от православия татарами (24 чел.). В 1888 г. численность чувашей-мусульман составила 97 чел. (ГАРБ 2в: Д. 495).

С 70-х годов мусульманские настроения распространялись и в соседнем Буинском у. (деревни Н. Дуваново, Трехбалтаево и др.) (РГИА 4: Оп. 8. Д. 770, 775, 780). К концу

XIX в. в Рунгинской вол. находились четыре чувашские деревни, жители которых праздновали пятницу, держали уразу, хоронили по-мусульманскому обряду, а в одной из них даже посещали мечеть и совершали мусульманские омовения (*Чичерина* 1907: 349). Об отатаривании чувашей в этом и Симбирском у. (деревни Буинка, Сиушево, Чепкасы, Ильметево, Чакилдым, Шаймурзино) сообщал священник К. Прокопьев (*Прокопьев* 1907: 142). Во всех селениях имелись молитвенные дома и неофициальные, т.н. "пятывременные" муллы, совершавшие пятикратные суточные моления. Нередким было совместное обучение чувашских и татарских детей (Отчет СмБЕК 1876: 107).

Следы мусульманского влияния наблюдались среди буинских и симбирских чувашей не только в религиозной атрибутике и обрядовой практике (к примеру, в сбривании волос на голове или праздновании пятницы), но и в религиозных представлениях: идее предопределения и учения о мосте Сират (*Прокопьев* 1907: 145).

"Отступничеством" были охвачены чувашаи в Саратовской губ. В 1889 г. в ислам перешли 19 семей из деревень Абдуловка и Белая Гора Петровского у. В ходе расследования этого дела выяснилось, что они и их предки *всегда* тайно исповедовали магометанство, а с 1889 г. "совершенно отпали от православия и рождение (обрезание) и браки производятся по магометанскому обряду" (ГАРБ 26: Д. 1132).

Наиболее масштабно омусульманивание проходило в Уфимской губ., начиная с 70-х годов XIX в., где этому способствовала и многочисленность "язычников", и специфика расселения среди мусульман – татар и башкир, а также активность и влияние мусульманской пропаганды. В отличие от западных губерний деятельность православных миссий здесь не получила большого распространения (*Ильминский* 1895: 17).

Исламизация происходила чаще всего в чувашско-татарских селениях, хотя случалась и в русском окружении, как, например, в с. Баткак Мензелинского у. Имея постоянные контакты с русскими, местные чувашаи, по убеждению приходского священника Д. Григорьева, должны были обрусеть, а не отатариться. Однако к концу XIX в. здесь все оказалось "поглощено татаризмом". "А ведь давно ли еще, – восклицал Григорьев, – каких-нибудь пятьдесят лет, как предки их не гнушались своей национальности и свято хранили все атрибуты чувашизма! А теперь... лишь воспоминания остались обо всем да две березы вековые, как последние памятники, свидетельствуют о бывшем культе Киремети" (*Григорьев* 1905: 26–27).

Пик "отпадений" в Уфимской епархии пришелся на 1879–1882 гг. и наиболее активно происходил в Белебеевском (села Слакбаш, Новые Карамалы, Базлык-Васильевка, Бижбуляк, Базгиево и др.) (Отчет УЕК 1888: 545, 570, 654), Мензелинском (д. Драгун-Бехметево) (Отчет УЕК 1889: 579) и Стерлитамакском (с. Мелеуз и др.) (РГИА 2: Оп. 162. Д. 1077) уездах. Большинство этих селений были многонациональными. В Базгиево большую часть населения (65%) составляли чувашаи-христиане, соседствовавшие с православной мордвой (21%) и чувашами-мусульманами (14%). Последние в количестве 56 человек (12 семей) восприняли ислам еще в 1882 г. В Ахманово этнический и конфессиональный состав был еще более разнообразным: православные русские (около 11%), крещеные татары (55%) и чувашаи (33%), часть из которых придерживалась "язычества". Вблизи обоих сел обитали татары-мусульмане, что многократно усиливало возможности для дальнейшего отпадения в ислам (Отчет УЕК 1891: 336–337).

Отношения между христианской и мусульманской частями населения Базгиево складывались непросто. Священник села в отчете за 1893 г. писал, что богачи-отступники, высватывая дочерей у беднейших крещеных татар и чувашей, совращают их семьи, держат в материальной и нравственной зависимости все население, а к христианам, православной вере и духовенству относятся враждебно. "Состояние этого прихода весьма не утешительно и совращение здешних христиан-инородцев в магометанство, конечно,

будет продолжаться, несмотря на бдительную заботливость пастыря о своем приходе", – отмечалось в отчете (Отчет УЕК 1893: 172–173).

Другой "мусульманский" куст чувашских селений располагался в Зириклинском приходе Белебеевского у., в который, кроме Зириклов, входили еще три чувашские деревни Седяк-Баш, Седяк-Васильевка и Елбулак. Население деревень в 1894 г. состояло из христиан, "язычников" и магометан. Однако и некоторые крещенные чувашки, находившиеся в близком родстве с "отпавшими" в ислам татарами – жителями с. Базлык, тайно исповедовали ислам, принимали у себя муллу и обучали детей татарской грамоте (Отчет УЕК 1894: 210).

В селах Юмашево и Новосеменкино Белебеевского у. на фоне внешнего благополучия наблюдалось тайное исповедание ислама. По сообщению священника Рекеева, молодые мужчины сбрасывали бороды, умывались из кумганов, жертвовали деньги на мечети, а некоторые старухи соблюдали пост (уразу). Все жители в совершенстве владели татарским языком, а многие одевались по-татарски (Спаский 1900: 154).

Не менее впечатляющей предстает картина мусульманского влияния в чувашских селениях Стерлитамакского у. В отчете Миссионерского комитета за 1894 г. отмечалось, что "проживающие в них инородцы-чувашки окружены фанатическими магометанами и сильно поддались магометанским религиозным обрядам и верованиям. Все с большим усердием и полнейшим неразумием празднуют вместо воскресенья пятницу как магометане; будучи в гостях у магометан часто зауряд с ними после угощения молятся Богу вместе с татарами по-магометански. Вообще чувашки эти в житейских сношениях более тяготеют к магометанам и очень хорошо владеют их языком; храм же божий посещают редко..." (Отчет УЕК 1894: 238).

"Очагом отатаривания чуваш и других инородцев" называл Н.И. Ильминский в начале 80-х годов Самарскую губ. (Ильминский 1895: 387). Случаи перехода чувашек в ислам в Самарской епархии наблюдались в чувашских и чувашско-татарских селениях Бугульминского и Бугурусланского уездов, расположенных по соседству с татарскими: Ерилкино, Кульшарыпово, Новом и Старом Суркино, Старом Афонькино, Булантамаке, Алексеевке, Абдикеево и других. В Абдикеево в 1904 г., по сообщению священника А. Скворцова, из 70 чувашских семей лишь 20 жили по-христиански, а остальные не соблюдали постов, ели мясо, а в домашнем быту употребляли татарский язык и даже татарские молитвы (Отчет СЕК 1904: 3).

Священник с. Никольского Бугурусланского у. отмечал, что "несколько семейств, благодаря своим родственным связям с татарами соседних деревень, совсем почти омусульманились, и хотя не отказываются выполнять все требования христианства, но тайно соблюдают уразу, на байрам или на открытие уразы отправляются в Булантамак к татарам, едят мясо только татарского резания, без всякого стеснения творят намазы и учат тому детей своих, снимают святые иконы с божниц своих, когда приезжают к ним в гости татары или башкиры" (Отчет СЕК 1904: 3–4). Аналогичные сообщения поступали от священнослужителей из деревень Николькино, Сарайгир (Васильевка) Бугурусланского, Нижний Нурлат и Старое Иглайкино Самарского, Ивановка и Алексеевка Бугульминского уездов (Иванов 1900: 173; Отчет СЕК 1901: 81; 1902: 8).

Во второй половине 90-х годов по епархии прокатилась волна официальных переходов в ислам. В феврале 1896 г. прошение подали 79 семей (492 чел.) "язычников" из с. Старое Ганькино Бугурусланского у. (Отчет СЕК 1897: 86). В марте того же года прошение последовало от жителей с. Рысайкино того же уезда (Михайлов 1907: 60–69). Цепь единичных переходов последовала в начале XX в. в деревнях Сарайгир, Старое Афонькино, Алексеевка (Отчет СЕК 1902: 8; Филимонов 1908: 620–625).

Последняя четверть XIX в. стала эпохой противостояния в Урало-Поволжье двух религиозных систем – христианства и ислама, воздействие которых на нерусские народы было так велико, что, по словам американского исследователя П. Верта, последние просто "увязли" между этими двумя религиями (Werth 2002: 196). Не усвоив хри-

Численность чувашей-мусульман России в конце XIX – начале XX в.

Территории	Численность, чел.	
	1897 г.	1911 г.
Казанская губ.	67	78
Казанский у.	1	–
Свияжский у.	50	–
Спаский у.	–	14
Тетюшский у.	4	–
Цивильский у.	1	–
Чебоксарский у.	8	–
Чистопольский у.	3	64
Оренбургская губ.	2	5
Орский у.	2	5
Пензенская губ.	–	305
Пензенский у.	–	305
Саратовская губ.	61	187
Петровский у.	53	187
Хвалынский у.	8	–
Самарская губ.	57	574
Самарский у.	1	–
Бугульминский у.	4	195
Бугурусланский у.	9	379
Бузулукский у.	3	–
Новоузенский у.	41	–
Симбирская губ.	74	483
Буинский у.	74	363
Симбирский у.	–	120
Томская губ.	69	–
Томский округ	2	–
Кузнецкий округ	65	–
Барнаульский округ	2	–
Уфимская губ.	–	702
Белебеевский у.	–	118
Мензелинский у.	–	70
Стерлитамакский у.	–	514
Итого	330	2334

стианских истин, они в то же время не смогли сохранить в преобладающем татарском окружении традиционную религию и становились легкой добычей мусульманских миссионеров. В конечном итоге они утрачивали этническую идентичность (Jersild 2000).

В отношении властей к данному процессу наблюдается двойственность. С одной стороны, ислам по-прежнему воспринимался как конкурирующая религия, под влиянием которой церковь безвозвратно теряла контроль над "язычниками". Официальное признание их мусульманами давало повод к усилению исламской пропаганды и ее легитимизации (РГИА 3: Оп. 18. Д. 41173. Л. 27). С другой стороны, МВД рассматривало переход "язычников" в ислам как прогрессивный ход в постижении идолопоклонниками идеи единобожия (РГИА 4: Оп. 133. Д. 432. Л. 4). Различались также позиции церкви и государства в разрешении мусульманского вопроса: уступая исламу в широте распространения грамотности, доступности литературы, популярности идей, православию нуждалось в миссионерской поддержке, в то время как государство в сложившейся внешнеполитической ситуации (присоединение Средней Азии, русско-турецкая война) стремилось избежать открытой конфронтации с исламом. К тому же христианский прозелитизм уже нуждался в новых методах (Werth 2002: 199).

В конце XIX в. чуваши-мусульмане рассматривались в православных кругах в двух категориях: "отступников" и "магометан". К первой относились бывшие христиане, находившиеся под сильным влиянием татар, отразившемся на их культурно-языковых характеристиках. Проживая в шести основных губерниях – Казанской, Симбирской, Самарской, Уфимской, Оренбургской и Саратовской, они различались по степени "отатаривания" в зависимости от региона. Наибольшей ассимиляции подвергались чувашки в районах совместного проживания, где от татар усваивались не только внешние формы (язык, обычаи, костюм), но и самосознание; на чувашское происхождение указывали лишь языковые (фонетические) и антропологические особенности. В других регионах, где чувашки не находились в столь тесном и постоянном контакте с татарами, отмечались следы чувашской культуры, особенно в языке и костюме женщин. Чувашки этой категории в официальных отчетах не признавались мусульманками, чем отличались от другой группы – "чувашей-магометан", состоявшей из фактических и официально признанных еще в середине XIX в. (по ревизии 1857 г.) мусульман. И хотя в языке и культурном облике, особенно ее женской части, сохранялись элементы чувашской этнической культуры, но по самосознанию и отношению к религии они принадлежали к татаро-мусульманскому сообществу (Краткая заметка 1897: 24–25).

По переписи 1897 г. чувашки-мусульманки (определены по двум критериям: "родной язык" и "вероисповедание") проживали в следующих губерниях: Симбирской – 74 чел., Томской – 69, Казанской – 67, Саратовской – 61, Самарской – 57, Оренбургской – 2, т.е. всего 330 чел. Самые многочисленные группы обитали в Буинском (74 чел.), Кузнецком (65), Петровском (53), Свяжском (50) и Новоузенском (41 чел.) уездах и округах (НА ЧГИГН: 220. Л. 3–396) (см. Табл.).

Исламизация чувашей в первые десятилетия XX в.

Наибольший масштаб исламизация чувашей в Урало-Поволжье приобрела в конце XIX – начале XX в. и особенно в 1905–1907 годы после Манифестов 17 апреля и 17 октября 1905 г., объявивших свободу вероисповедания и возвестивших о наступлении времени "рыночного религиозного плюрализма" (Кудряшов 1974: 71). Манифесты вызвали широкий резонанс и разноречивые толкования среди всех слоев населения России. Манифест от 17 апреля об укреплении начал веротерпимости был однозначно истолкован мусульманами как легитимизация открытого перехода крещеных татар в ислам (Егоров 1906: 483).

Между тем циркулярным распоряжением МВД от 18 августа 1905 г. регламентировался переход из православия в "иноверные исповедания" таким образом, что, во-первых, он разрешался лишь номинальным христианам, которые фактически исповедовали ту веру, в которую собирались переходить, во-вторых, разрешение на переход давалось только губернатором и после предварительного следствия, в ходе которого определялась истинная религиозная принадлежность просителей. Поэтому свободами Манифестов фактически могли воспользоваться лишь чувашки-язычники, предки которых и они сами никогда не были крещены. Прошения, последовавшие от чувашей в 1905–1908 годах, принадлежат именно некрещеным чувашкам, которые в своих обращениях подчеркивали "языческое" происхождение.

Безусловным следствием появления манифестов стало усиление исламской пропаганды в 1905–1906 годах, распространявшей среди невежественной массы чувашей слух об указе, согласно которому "язычникам" придется якобы выбирать между исламом или православием, так как правительство разрешило существование только двух конфессий. И хотя мусульманские пропагандисты были фактически и не столь далеки от правды, они, тем не менее, преднамеренно вводили в заблуждение чувашей-язычников (Съезд 1906: 790–798).

В апреле 1905 г. был отменен также запрет на браки мусульман с лицами иных исповеданий, существовавший с 1888 г. Разрешалось вступление в брак мусульман не только с "язычниками", фактически уже исповедовавшими ислам, но и официально придерживавшихся традиционных верований. Данный акт стимулировал межконфессиональные и межэтнические браки между татарами-мусульманами и чувашами-язычниками в районах их совместного проживания. Безусловно, брак с татарами-мусульманами вел к отатариванию их жен, но опосредованное влияние через них распространялось на родственников и знакомых и вовлекало в этот процесс все больше чувашей (Миссионерский съезд 1910: 262).

Исламская пропаганда привела к массовому "отпадению" не только "язычников", но крещеных чувашей в Уфимской и Симбирской губерниях (РГИА 2: Оп. 186. Д. 5999. Оп. 191. Д. 163; РГИА 3: Оп. 76. Д. 115а. Оп. 79. Д. 51; РГИА 4: Оп. 8. Д. 800; РГИА 5). Активный переход чувашей в ислам в Уфимской губ. на данном этапе наблюдался в Белебеевском (села Базгиево, Сардык, Ахманово, Липовый Ключ, Менезбашево) и Мензелинском (д. Клементейкино) уездах (Егоров 1906: 486; Асфандияров 2001: 485; ГАРБ 2в: Д. 495). Часть прошений, поступивших в ДУМ из этих и некоторых других селений (Юмашево, Зирган) были "оставлены без последствий". В ходе дознания выяснялось, что просители происходят из чувашей, сначала тайно, а с 1906–1907 гг. и открыто исповедовавших мусульманскую религию, но в официальных документах числившихся православными (ГАРБ 1: Д. 1208, 1212–1214, 1218–1220). Несмотря на отказ в официальном признании, чувашаи продолжали себя считать мусульманами, носили мусульманские имена, выполняли определенные религиозные требования.

Одним из районов активной исламизации чувашей в Приуралье в начале XX в. был Стерлитамакский у., а центрами – села Зирган, Мелеуз, Тятербашево, Уралка, Карлы-Куль (Аллагуватово). "Нет ни одного села, ни одной деревни, где бы было такое большое количество отпавших чуваш от православия в ислам", – писал уездный миссионер Г. Тихонов (Тихонов 1913: 106). В 1906–1908 гг. в ислам здесь перешли 450 чел.: в Мелеузе – 55 (4 двора), Тятербаше – 14, Уралке – 10, Аллагуватово – 7, Мраково – 200 (30 семей) (Миссионерский съезд 1910: 670). Таким образом, только в Стерлитамакском у. в 1905–1908 гг. ислам официально восприняли 736 чел. (Тихонов 1913: 106–107). "Отпадническое" движение в Уфимской епархии было остановлено только в 1915–1916 гг. (Исторический обзор 1914: 164).

Образование хуторов и выселков в первое десятилетие XX в., поддержанное столыпинской реформой, стало оптимальным способом сохранения религиозной самостоятельности для мусульманских и "языческих" общин чувашей. Эта тактика была известна некрещеным чувашам и прежде; благодаря ей расширялась поселенческая сеть во всех районах проживания, в частности, в Закамье, Заволжье и Приуралье. Она была применена и в данном случае. Перепись 1917 г. зафиксировала в Западной Башкирии несколько десятков чувашских выселков, часть из которых появилась вследствие религиозных разногласий жителей в материнском селении. Будучи в меньшинстве, под давлением христианской пропаганды и неприязни со стороны крещеных соплеменников "язычники" и мусульмане вынуждены были искать спокойной жизни на стороне. Так появились, например, хутор Ведерникова (ныне – д. Ибрайкино Бижбулякского р-на), Бикмухаметов хутор, д. Борисовка в Белебеевском у. (Асфандияров 2001: 483–639).

Исламизация чувашей в Самарском Заволжье продолжалась в языческо-мусульманских селениях Бугульминского (7 селений), Бугурусланского (5), Самарского (3), Ставропольского (2) уездов (Съезд 1906: 790–798). В одном только Бугульминском у. в 1905 г. "отпало" 113 чел.

В том же году в мусульманство перешли 36 семейств (268 чел.) в с. Артемьевка (Булантамак), которое священник о. А. Иванов назвал "царством ислама среди чуваш".

Формальное соблюдение жителями христианских обязанностей не превратило их в христиан, которые выставляли иконы на видном месте в исключительных случаях, например, в ожидании священника, а затем снова убирали. В то же время не проходило ни одного дня, чтобы чуваша не виделись и не говорили с татарами, так как Булантамак был со всех сторон окружен татарскими деревнями. Это обстоятельство и способствовало переходу чувашей в ислам (Царство 1907: 697–707). Только в течение одного 1906 г. ислам восприняли 146 человек (Отчет СЕК 1908: 1). Булантамакские мусульмане были воинственно настроены по отношению к христианам и чинили над ними, по словам А. Иванова, "дикую зверскую расправу": насмеялись над церковью и обижали прихожан – переломали все кресты на кладбище, а на Крещение женщины полоскали белье на речке в освященной воде.

В 1905–1908 гг. о своем желании перейти в ислам заявили жители д. Рысайкино (22 чел.) Бугурусланского у., деревень Новое Суркино (34), Старое Суркино (45), Кульшарыпово (27), Алексеевка (17 семей) Бугульминского у. (Отчет СЕК 1909: 17; Миссионерский съезд 1910: 670; ГАРБ 2в: Д. 495, 1132).

В Казанской губ. прошения о переходе в ислам поступали в 1906 г. только от чувашей д. Полевое Байбахтино (8 семей) Цивильского у. (Миссионерский съезд 1910: 666), но в целом ряде селений этого, а также Чебоксарского, Тетюшского и Чистопольского уездов отмечено влияние ислама и татарской культуры, проявлявшееся в употреблении татарского языка, проведении совместных праздников, приглашении мулл для проведения некоторых обрядов и лечения детей, распространении татарских имен¹².

В девяти селениях губернии длительное пребывание в мусульманстве привело уже к началу XX в. к полному отатариванию чувашей: в Чистопольском у. в селах Старое и Новое Никиткино, Салдакаево (Абрыскино), Новое Узеево, Старые Челны – всего в 1910 г. 2154 чел., в Цивильском у. в селах Тугаево и Сунчелеево – всего 1938 чел., в Тетюшском у. в селах Белая Воложка и Утеево-Биково – всего 1301 чел. (Багин 1910: 4). По другим данным, "окончательно отатарившиеся" чуваша проживали в Тетюшском у. еще в двух селениях – Кукшуме и Сугут (Коблов 1910: 21, 23; Миссионерский съезд 1910: 369).

В Симбирской губ. многочисленная группа чувашей-мусульман (363 чел.) проживала в Буинском и Симбирском (деревни Старые Чукалы, Новое Дуваново, Старое Шаймурзино) уездах (Браславский 1997: 41). В 1905 г. в ислам перешли чуваша в селах Бюрганы, Хорнвар-Шигали, Убеи, Сиушево находившихся в татарском окружении (Протокол 1906: 433–434).

По данным Н.В. Никольского, в начале XX в. среди чувашей ислам исповедовали 2334 чел., из которых почти 85% обитали на периферии: 702 – в Уфимской губ., 574 – в Самарской, 305 – Пензенской, 187 – в Саратовской, 78 – в Казанской и 5 – в Оренбургской губерниях (Никольский 1912: 194–219). Эти показатели более чем в 7 раз превышают данные по переписи 1897 г., а значит, рост численности чувашей-мусульман осуществлялся в первое десятилетие XX в., вероятно, после 1905 г. Всего, по данным Д.М. Исхакова, в течение второй половины XIX – первой четверти XX в. в Среднем Поволжье было ассимилировано не более 12 тыс. чувашей (Исхаков 1980: 30–31; 2000: 73–77).

Каков же был характер религиозности чувашей-мусульман на тот период? Целый ряд фактов указывает на бытование среди них языческо-мусульманского двоеверия. Соблюдая требования мусульманской религии (уразу, посещение мечети, ношение одежды и др.) и принимая у себя мулл, они бывали на "языческих" молениях, обращались при необходимости к юзям, а некоторые продолжали носить чувашский костюм. Другие признавались православным священникам, что могут снять татарские наряды и снова надеть чувашские сурбаны. Но от решающего шага их якобы удержи-

вало чувство долга перед татарами, от которых они получили подарки (*Тихонов* 1906: 108).

По мнению чувашского религиоведа Г.Е. Кудряшова, привязанность мусульманизированных чувашей к исламу была неглубокой: "Внешне уступая новой религии, большинство их на ранней ступени оставалось на языческих или языческо-мусульманских позициях". Однако в дальнейшем одни, более придерживаясь мусульманских догматических предписаний, изменили этническую принадлежность, но большинство, являясь номинально татарами-мусульманами, оставались на позициях языческо-мусульманской полисинкретической религии (*Кудряшов* 1974: 76). Эти тенденции определили судьбу чувашей-мусульман в XX в.

Таким образом, исламизация чувашей в Урало-Поволжье происходила с середины XVIII в., а наиболее интенсивно – с 60-х годов XIX в. и охватила также первые десятилетия XX в. Она происходила в контексте политико-религиозной жизни региона и страны и вылилась в несколько этапов, различавшихся по районам проживания и интенсивности омусульманивания. Начиная с 20-х годов XX в. темпы исламизации замедлились под влиянием социально-политических факторов, прежде всего атеистической пропаганды, поставивших религиозный вопрос вне общества. Судьба чувашей-мусульман и их потомства определялась отныне эффективностью результатов исламизации на предыдущих этапах. Различия в условиях и глубине внедрения мусульманских элементов в культуру чувашей обусловили формирование разных по степени исламизации и отатаривания групп внутри этноконфессиональной общности чувашей-мусульман.

Примечания

¹ Речь идет о Танкеевском и Тетюшском могильниках (*Казаков* 1994: 27).

² Споры между исследователями ведутся вокруг термина "ясачный чуваш" – именно к этой категории была отнесена в начале XVII в. значительная часть жителей Казанского и Свияжского уездов, оказавшихся впоследствии (во второй половине XVII в.) этническими татарами.

³ В Симбирской провинции – в деревнях Болтаево, Новые Челны-Сюрбеево, Сугут, Верхний Чепкас (РГИА 2: Оп. 23. Д. 896. Л. 3).

⁴ К таковым им отнесены села Ачасары, Большое Русаково, Янгильдино, Исаково (Аксаково), Деушево, Атабаево, Алькеево, Старое Тябердино, Хозесаново, Кукшум (*Димитриев* 1993: 199–200).

⁵ Селения "ясачных чувашей" (Ст. Тазлар, Чувашские Тебели, Ст. Чипчиково, Черепаново, Калмыково, Сетяково, Илметево, Темирово), зафиксированные во время I ревизии (1723), впоследствии, с конца XVIII в., отмечены в документах как селения тептярей, татар или башкир. Установлено автором на основе сравнительного анализа ревизских сказок I ревизии (РГАДА: ЛЛ. 107 об.–229, 293), материалов V, VII, X ревизий и статических сведений за 1902 и 1917 гг. (*Асфандияров* 2001).

⁶ Следует отметить, что такая закономерность характерна не только для чувашей. Исламизации и отатариванию подвергались также и другие народы Урало-Поволжья, проживавшие в контактной с мусульманами зоне, например, удмурты. В "татарскую веру" переходили активнее южные удмурты (*Владыкин, Шенталин* 2000: 166).

⁷ Так, пропагандировавший в Туарминском приходе Бугульминского у. Самарской губ. татарин описывал мусульманский рай "в чисто чувашском вкусе", пообещав чувашам изобилие любимых кушаний (кислого молока, творога с маслом, копченого мяса, лепешек, пива, меда и др.), многоженство и мягкие постели из пуховых перин и 12 подушек (Миссионерский съезд 1910: 262).

⁸ Молькеевские кряшены обитают в девяти селениях Апастовского р-на Республики Татарстан: Молькеево, Хозесаново, Старое Тябердино, Большое Тябердино, Янсуриновское, Нижний Кырбаш, Баймурзино, Старая Буа, Полевая Буа (*Исхаков* 1993б: 4–19).

⁹ В период активной христианизации в 1744–1762 гг. часть жителей была выселена в другие населенные пункты (Там же: 16)

¹⁰ Здесь и далее в тексте в кавычках использованы термины, встречающиеся в миссионерской литературе XIX–XX вв. при характеристике процесса перехода народов Урало-Поволжья в ислам.

¹¹ Приводятся данные Н.В. Никольского (*Никольский* 1912: 194–219).

¹² Деревни Семенчино, Уты, Избахтино, Табар Чирки, Ясашное Барышево, Татарское Сунчелеево, Киязлы, Нижняя Кондрата, Чувашская Майна, Красное Болото (Нижние Савруши) (Отчет КЕИМ 1912: 1075; Отчет КЕИМ 1914: 1130).

Источники и литература

- Алишев* 1990 – *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. М., 1990.
- Алишев* 1995 – *Алишев С.Х.* Образование татарской народности // *Материалы по истории татарского народа.* Казань, 1995.
- Асфандияров* 2001 – *Асфандияров А.З.* Западные башкиры по переписям 1795–1917 гг. / Отв. ред. и сост. А.З. Асфандияров. Уфа, 2001.
- Ашмарин* 1902 – *Ашмарин Н.И.* Болгары и чуваша. Казань, 1902.
- Ашмарин* 1930 – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. V. Чебоксары, 1930.
- Ашмарин* 1935 – *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Вып. VIII. Чебоксары, 1935.
- Багин* 1910 – *Багин С.* Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии о причинах этого печального явления // *Православный собеседник.* 1910. № 1.
- Бартольд* 1966 – *Бартольд В.В.* Соч. Т. 6: Мусульманский мир. М., 1966.
- Браславский* 1997 – *Браславский Л.Ю.* Ислам в Чувашии. Исторические и культурологические аспекты. Чебоксары, 1997.
- Владыкин, Шенталин* 2000 – *Владыкин В.Е., Шенталин А.А.* Камо грядеши? Удмуртия на перекрестке веры (некоторые предварительные размышления) // *Этносы и культуры на стыке Азии и Европы.* Уфа, 2000. С. 165–172.
- ГАРБ 1 – Государственный архив Республики Башкортостан. Ф. И–9. Оп. 1.
- ГАРБ 2а – Государственный архив Республики Башкортостан. Ф. И–295. Оп. 3.
- ГАРБ 2б – Государственный архив Республики Башкортостан. Ф. И–295. Оп. 6.
- ГАРБ 2в – Государственный архив Республики Башкортостан. Ф. И–295. Оп. 11.
- Григорьев* 1905 – *Григорьев Д.* Среди отступников и магометан // *УЕВ.* 1905. № 1.
- Денисов* 1959 – *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959.
- Диаконов* 1891 – *Диаконов В.* Влияние Шаминской церковно-приходской школы на жителей // *ИКЕ.* 1891. № 24.
- Димитриев* 1969 – *Димитриев В.Д.* О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVII – начале XIX в. // *УЗ ЧНИИ.* Вып. 47. Чебоксары, 1969.
- Димитриев* 1978 – *Димитриев В.Д.* Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI в. – 1861 г.) // *Проблема религиозного синкретизма и развитие атеизма в Чувашской АССР.* Тр. ЧНИИ. Т. 86. Чебоксары, 1978.
- Димитриев* 1984 – *Димитриев В.Д.* О последних этапах этногенеза чувашей // *Болгары и чуваша.* Чебоксары, 1984.
- Димитриев* 1993 – *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1993.
- Егоров* 1906 – *Егоров Н.* Как иные понимают закон 17 апреля 1905 г. // *УЕВ.* 1906. № 7.
- Егоров* 1984 – *Егоров Н.И.* Болгаро-чувашско-кыпчакские взаимоотношения в XIII–XVI веках // *Болгары и чуваша.* Чебоксары, 1984.
- Журнал* 1902 – *Журнал общего годичного Собрания членов ПМО по Симбирскому комитету 7 апреля 1902 года* // *СмБЕВ.* 1902. № 21.
- Иванов* 1900 – *Иванов А.* Из истории христианского просвещения Самарской епархии во второй половине XIX в. // *Православный благовестник.* 1900. № 13.
- Иванов* 1998 – *Иванов В.П.* Чувашский этнос. Проблемы истории и этногеографии. Чебоксары, 1998.
- Иванов* 1999 – *Иванов В.П.* Чувашская диаспора. Этнографический справочник. Чебоксары, 1999.

- Иванов 2002* – *Иванов А.Н.* Татары-мусульмане и православные кряшены: некоторые аспекты роли ислама в консолидации татарского этноса // Мусульмане изменяющейся России. М., 2002.
- Ильминский 1895* – *Ильминский Н.И.* Письма Николая Ивановича Ильминского к Обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1895.
- Исторический обзор 1914* – Исторический обзор деятельности Уфимского Епархиального комитета Православного миссионерского общества за 35 лет его существования // УЕВ. 1914. № 17.
- Исхаков 1980* – *Исхаков Д.М.* Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII–XIX вв. // Сов. этнография. 1980. № 4.
- Исхаков 1993а* – *Исхаков Д.М.* Этнографические группы татар Волго-Уральского региона. Казань, 1993.
- Исхаков 1993б* – Молькеевские кряшены / Отв. ред. Д.М. Исхаков. Казань, 1993.
- Исхаков 1995* – *Исхаков Д.М.* Динамика численности и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI – начале XX в. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.
- Исхаков 2000* – *Исхаков Д.М.* Этническое развитие волго-уральских татар в XV–XX вв. Дис. в виде науч. докл. ... д.и.н. М., 2000.
- Кабузан 1990* – *Кабузан В.М.* Население России в XVIII в. М., 1990.
- Казаков 1994* – *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии: Науч. докл., представленный в качестве дис. ... д.и.н. М., 1994.
- Каховский 1979* – *Каховский В.Ф.* О некоторых параллелях погребального обряда волжских болгар и чувашского языческого населения // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Чебоксары, 1979.
- Коблов 1910* – *Коблов Я.Д.* О татаризации инородцев Поволжского края. Казань, 1910.
- Комиссаров 1913* – *Комиссаров Г.И.* Религиозное состояние чуваш в XIX в. // Православный благовестник. 1913. № 19.
- Краткая заметка 1897* – Краткая заметка об инородцах Волжско-Камского края // СмбЕВ. 1897. № 1.
- Кудряшов 1974* – *Кудряшов Г.Е.* Динамика полисинкретической религии. Чебоксары, 1974.
- Мажитов 1997* – *Мажитов Н.А.* За объективное освещение истории Волжской Булгарии и Золотой Орды // Языки, духовная культура и история тюрков: Тр. междунар. конф. В 3 т. Т. 3. 1992, Казань; Москва, 1997.
- Макаров 2000* – *Макаров Д.М.* Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI–XVIII вв.). Чебоксары, 2000.
- Месарош 2000* – *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры. Чебоксары, 2000.
- Миссионерский съезд* – Миссионерский съезд в городе Казани 13–26 июня 1910 г. Казань, 1910.
- Михайлов 1907* – *Михайлов А.* Приход села Стюхино Бугурусланского у. Самарской губ. // *Чичерина С.В.* У приволжских инородцев. СПб., 1907. Прил. 9.
- НА ЧГИГН – Научный архив ЧГИГН. Отд. I.
- Никольский 1912* – *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв. Казань, 1912.
- Отчет БСГ 1883* – Отчет Братства Св. Гурия за 1882–1883 гг. // ИКЕ. 1883. № 22–24.
- Отчет БСГ 1887* – Отчет Братства Св. Гурия за 1886–1887 гг. // ИКЕ. 1887. № 3.
- Отчет БСГ 1890* – Отчет Братства Св. Гурия за 1889–1890 гг. // ИКЕ. 1890. № 8.
- Отчет КЕИМ 1912* – Отчет Казанского епархиального инородческого миссионера за 1912 г. // ИКЕ. 1913. № 32–35.
- Отчет КЕИМ 1914* – Отчет Казанского епархиального инородческого миссионера за 1914 г. // ИКЕ. 1915. № 42.
- Отчет СЕК 1897* – Отчет Самарского епархиального комитета Православного миссионерского общества (далее – СЕК ПМО) за 1897 г. // СЕВ. 1898. № 8.
- Отчет СЕК 1901* – Отчет СЕК ПМО за 1901 г. // СЕВ. 1902. № 17.
- Отчет СЕК 1902* – Отчет СЕК ПМО за 1902 г. // СЕВ. 1903. № 8.
- Отчет СЕК 1904* – Отчет СЕК ПМО за 1904 г. // СЕВ. 1905. № 11.

- Отчет СЕК 1908 – Отчет СЕК ПМО за 1908 г. // СЕВ. 1909. № 11.
- Отчет СЕК 1909 – Отчет СЕК ПМО за 1909 г. // СЕВ. 1910. № 11.
- Отчет СмБЕК 1876 – Отчет о деятельности Симбирского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1876 г. (далее – СмБЕК ПМО) // СмБЕВ. 1877. № 5.
- Отчет СмБЕК 1877 – Отчет СмБЕК ПМО за 1877 г. // СмБЕВ. 1878. № 7.
- Отчет УЕК 1888 – Отчет по Уфимскому епархиальному комитету православного миссионерского общества (далее – УЕК ПМО) за 1888 г. // УЕВ. 1889. №17, 18, 20.
- Отчет УЕК 1889 – Отчет УЕК ПМО за 1889 г. // УЕВ. 1890. № 14.
- Отчет УЕК 1891 – Отчет УЕК ПМО за 1891 г. // УЕВ. 1892. № 15.
- Отчет УЕК 1893 – Отчет УЕК ПМО за 1893 г. // УЕВ. 1894. № 12.
- Отчет УЕК 1894 – Отчет УЕК ПМО за 1894 г. // УЕВ. 1895. № 14.
- Прокопьев 1907 – Прокопьев К.* Влияние татар-мусульман на чуваш // *Чичерина С.В.* У приволжских инородцев. СПб., 1907. Прилож. 16.
- Протокол 1906 –* Протокол заседаний 2 и 3 ноября 1906 г. СмБЕК ПМО // СмБЕВ. 1906. № 23.
- Рахматуллин 1975 – Рахматуллин У.Х.* Заселение Башкирии (30–90-е годы XVIII в.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
- РГАДА – РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. II. Д. 3790.
- РГИА 1 – РГИА. Ф. 515. Оп. 8. Д. 453.
- РГИА 2 – РГИА. Ф. 796.
- РГИА 3 – РГИА. Ф. 797.
- РГИА 4 – РГИА. Ф. 821.
- РГИА 5 – РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3583.
- Смирнов 1951 – Смирнов А.П.* Волжские булгары. М., 1951.
- Спасский 1900 – Спасский Н.А.* Просветитель инородцев Казанского края // Самарские епархиальные ведомости. 1900. № 15.
- Съезд 1906 –* Съезд инородческих священников-миссионеров Самарской епархии, бывший 20–23 июня 1906 г. в Самаре // СЕВ. 1906. № 17.
- Тихонов 1913 – Тихонов Г.* Чуваша Уфимского края // УЕВ. 1913. № 5.
- Федотов 1980 – Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980.
- Филимонов 1908 – Филимонов Д.* Успехи ислама среди чуваш-язычников д. Старо-Афонькиной Бугульминского у. // СЕВ. 1908. № 16.
- Филиппов 1915 – Филиппов Г.А.* Из истории христианского просвещения татар-мещеряков Цивильского и Тетюшского уездов Казанской губ. // Известия по Казанской епархии. 1915. № 37.
- Халидов 1998 – Халидов А.Н.* Восточная Европа // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 1. М., 1998.
- Халикова 1986 – Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии. X – начало XIII в. Казань, 1986.
- Хузангай 1986 – Хузангай А.П.* Значение культурно-исторического контекста при этимологизации чувашских теонимов (Киреметь) // Проблемы состояния этимологического словаря отдельного языка. Чебоксары, 1986.
- Царство 1907 –* Царство ислама среди чуваш // СЕВ. 1907. № 19.
- Чичерина 1907 – Чичерина С.В.* У приволжских инородцев. СПб., 1907. Прилож. 6.
- Юнусова 1992 – Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1992.
- Якупов 1998 – Якупов Р.И.* Ислам в России в свете этнографии // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе. М., 1998.
- Якупов 2002 – Якупов Р.И.* Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. М., 2002.
- Frank 2001 – Frank Allen J.* Muslim Religious Institutions in Imperial Russia. The Islamic World of Novouzensk District and the Inner Horde. Brill; Leiden; Boston; Köln, 2001.
- Fraehn 1830 – Fraehn H.D.* Drei Münzen der Wolga-Bulgaren aus dem X. Jahrhundert // Memoires de l'Académie Impériale des sciences. Pétersbourg. VI ser. T. 1. 1830.
- Geraci 2001 – Geraci R.P.* Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca; London, 2001.

- Glazik* 1959 – *Glazik J.* Die Islammission der russischen-orthodoxen Kirche. Eine missionergeschichtliche Untersuchung nach russischen Quellen und Darstellungen. Münster, 1959.
- Jersild* 2000 – *Jersild A.* Faith, Custom, and Ritual in the Borderlands: Orthodoxy, Islam, and the "Small Peoples" of the Middle Volga and the North Caucasus // *The Russian Review*. 2000. Vol. 59. № 1. P. 512–529.
- Noack* 2000 – *Noack C.* Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich: Nationalbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren. Stuttgart, 2000.
- Werth* 2000a – *Werth P.* From "Pagan" Muslims to "Baptized" Communists: Religious Conversion and Ethnic Particularity in Russia's Eastern Provinces // *Comparative Studies in Society and History*, 2000.
- Werth* 2000b – *Werth P.* Inorodtsy on obrusenie: religious conversion, indigenous clergy, and the politics of assimilation in late imperial Russia // *Ab Imperio*. 2000. № 2. С. 105–134.
- Werth* 2002 – *Werth P.* At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1825–1917. Ithaca, 2002.

Сокращения:

- ГАРБ – Государственный архив Республики Башкортостан (г. Уфа)
- ИКЕ – Известия по Казанской епархии
- ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
- НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан (г. Казань)
- НА ЧГИИИ – Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (г. Чебоксары)
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
- РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
- СЕВ – Самарские епархиальные ведомости
- СмБЕВ – Симбирские епархиальные ведомости
- УЕВ – Уфимские епархиальные ведомости
- УЗ ЧНИИ – Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института (ныне – ЧГИИИ)

E. A. Yagafova. The Islamization of the Chuvash in the Ural-Povolzhie Region from the Eighteenth through the Beginning of the Twentieth Century

The article is a study of Islamization processes among the Chuvash, which represent one of the few non-Muslim Turkic peoples. The majority of the Chuvash have been officially Orthodox Christian since the mid-eighteenth century. Yet, as other peoples of the Ural-Povolzhie region, they have been in contact with Islam; and a small part of the Chuvash did experience assimilation pressures and convert to Islam over the course of the centuries. The focus of the article is the dynamics and particularities of the forming of that ethnic / confessional group in a historical perspective. The study draws on a range of archival data as well as available published texts.